

ДОКУМЕНТАЛЬНІ ДЖЕРЕЛА

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА ЛЕЛЬЧИЦКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ ГРУ ТАТЬЯНЫ МАРКОВСКОЙ

В истории партизанских формирований, действовавших в годы советско-немецкой войны в Восточной Европе, до настоящего момента много белых пятен. Одной из малоисследованных страниц является участие национальных меньшинств в борьбе против нацистского режима, межнациональные отношения в партизанских отрядах, в том числе группах ГРУ¹, а также отношение партизан к проводимой оккупантами политике геноцида цыган. Настоящая публикация интервью-воспоминаний цыганки

¹ Оперировавшие в глубоком тылу Вермахта в 1942–1944 гг. партизанские отряды по подчинению можно разделить на три группы: 1. Формирования штабов партизанского движения (Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), Украинского штаба партизанского движения (УШПД), Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и др.) 2. Формирования НКВД (с апреля 1943 г. – НКГБ) 3. Отряды разведорганов Красной армии. Система управления последними претерпела за время войны определенные структурные преобразования. Для подчиненных разведорганам Красной армии отрядов (таких как Лельчицкая бригада) указанные реорганизации означали следующее. С начала войны до 23 октября 1942 г. они подчинялись РУ (с 16.02.1942 – ГРУ) ГШ РККА – иногда централизованно Разведуправлению, иногда через разведотделы штабов фронтов соответствующих направлений. Указанное управление Генштаба в этот период возглавляли последовательно Ф. Голиков, А. Панфилов, И. Ильичев. После разделения ГРУ и РУ – на период с 23 октября 1942 г. по 18 апреля 1943 г. – эти формирования подчинялись ГРУ, возглавляемому И. Ильичевым. После 18 апреля 1943 г. до конца войны указанными партизанскими отрядами руководило РУ ГШ КА под руководством Ф. Кузнецова – как непосредственно из Центра, так и через разведывательные отделы штабов фронтов (См.: Разведка СССР в годы Великой отечественной войны // <http://www.agentura.ru/culture007/history/ww2/ussr/razvedka/>; *Коллакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. – М., 1999 (глава «Советская разведка в 1941–1945 гг.»)). Партизанский отряд, позднее развернутый в Лельчицкую бригаду, был создан в начале 1942 г.

Татьяны Михайловны Марковской (в девичестве Горбунцовой) призвана на микроисторическом уровне обозначить данные проблемы. Публикация этого материала представляется тем более актуальной, что за все время архивного поиска в архивах Украины, России и Белоруссии в 2005–2008 гг. публикаторам ни разу не встречалась информация о цыганах, служивших в советских формированиях. Однако необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, цыгане обычно носят имена и фамилии, характерные для представителей народов, среди которых проживают. В Восточной Европе это, как правило, русские, украинские и белорусские фамилии. Поэтому выявить цыган в списках личного состава лишь по фамилиям практически невозможно. Во-вторых, в условиях геноцида цыган в 1941–1944 гг., а также относительной распространенности цыганофобии среди местного населения от представителей цыганского меньшинства логично было ожидать мимикрии – сокрытия собственного происхождения и национальной принадлежности. В-третьих, при любых возможных оценках, численность цыган на территории УССР и БССР в 1941 г. составляла значительно менее одного процента населения. То есть в крупных партизанских формированиях цыгане не могли составлять заметную группу. Поэтому каждая личная история партизана, особенно в контексте слабой изученности геноцида цыган, представляет несомненный интерес.

Обстоятельства проведения интервью и правила его публикации

Татьяна Марковская (в протоколе обозначена инициалами «ТМ») проживает в Миргороде Полтавской области. Беседа состоялась вечером 9 августа 2008 г. по месту жительства информантки и продолжалась два с половиной часа, включая короткие технологические перерывы. Интервью с Татьяной Марковской попеременно вели оба публикатора (интервьюера). Во время разговора присутствовали зять информантки Иван Сергеевич (в протоколе обозначен инициалами «ИС») и дочь Марковская Нина Николаевна (в протоколе обозначена инициалами «НМ»). Примерный возраст Ивана Сергеевича и Нины Николаевны – 45 лет. Интервью неоднократно прерывалось их восклицаниями и одновременными высказываниями, периодическим появлением других лиц, а также иными отвлекающими моментами. Для публикации из транскрипта интервью удалены отдельные фрагменты, касающиеся тем, не имеющих отношения к истории оккупации, деятельности партизан и геноциду цыган. Из текста интервью также удалены повторы, часть уточняющих вопросов интервьюеров, неразборчивые отрывки интервью и описание Т. Марковской и ее родственниками незначительных событий и фактов. Значительные со-

крашения обозначены многоточием в квадратных скобках, места удаления малозначимых «вставок» родственников информантки в протоколе специально не обозначены. Паузы, неразборчивые фрагменты текста и пояснения публикаторов в тексте также даны в квадратных скобках.

Вопросы задавались на русском языке. Ответы давались на смеси «суржика» с «трасянкой» (комбинации украинского, белорусского и русского языков) с превалированием русской лексики. Ответы транскрибированы с сохранением аутентичной фонетики (в рамках фонетических правил русского языка) для передачи разговорной речи рассказчицы с целью возможности использования данного источника исследователями в области этнической и культурной антропологии, этнологии и лингвистики. Транскрибирование осуществляла Татьяна Пастушенко, примечания и комментарии к тексту сделаны публикаторами.

[...] – *Назовите, пожалуйста, Ваши фамилию, имя и отчество.*

Т.М.: Горбунцова Татьяна Михайловна.

– *А девичья фамилия?*

Т.М.: Это девичья. А у меня сейчас фамилия мужа – Марковская.

– *Где Вы родились и когда?*

Т.М.: Ой, миленький мой, я уже не помню, где мы родились и когда.

Н.М.: В Мозырской области, Лельчицы. Мозырь, Мозырь¹, Белоруссия. Белоруссия – Полесье тоже, Полесье это такое – там у них...

Т.М.: Лельчицы².

Н.М.: Район.

– *Вы из оседлых были или из кочевых цыган?*

Н.М.: Они все раньше тогда, все ездили.

Т.М.: Кочевали раньше, знаете, до Хрущева, это Хрущев уже всех усадил... [нрзб].

Н.М.: Война где застала?

Т.М.: В лесу.

Н.М.: В лесу, в Белоруссии.

– *Скажите, а какого Вы года рождения?*

Н.М.: [Тысяча девятьсот] двадцать пятого, наверное, [тысяча девятьсот] двадцать седьмого. Написали в партизанской [справке] – двадцать седьмого³. Ну, написали, и двадцать седьмого написали – по документам.

– *Какого года Вы?*

Т.М.: Двадцать пятого, кажется.

Н.М.: Двадцать седьмого записали.

Т.М.: Двадцать седьмой.

– **Понятно. А родителей как звали, кем были родители до войны?**

Н.М.: Родители кто был?

Т.М.: Родители? Я ж говорю – кто. Это ж, значит, отца и мать немцы побили в кошаре. Да, очень странно [нрзб.], побили.

– **А как их звали?**

Т.М.: Значит, у меня три брата и я. Там есть Пинские болота, мы бежали. Вы знаете, как в селе шалаши были.

Н.М.: Ну, как оседлые.

Т.М.: Прямо да... Прямо мы бежали в те болота. Немцы уже туда не могли войти никак.

– **А родители кем были до войны? Кем работали родители?**

Н.М.: Где работали родители?

Т.М.: Да, тоже, так, знаете, лошадьми работали.

– **Торговали лошадьми?**

Т.М.: Да.

Н.М.: Конюхи были, ну, такие, работали в селе, в Белоруссии.

– **Как звали родителей?**

Т.М.: Ну, значит, отца и мать – семью – побили всех. Три братца. Старший [мой] брат был Николай Михайлович [Горбунцов], второй был Жора, тоже Михайлович, и Нычыпор, Никифор. И мы, сразу, значит, нашли партизан...

– **Подождите, подождите. А не помните, как звали отца и мать?**

Т.М.: Знаю, знаю. Катерина, значит, она, Андреевна. А отец, значит, Михаил Иосифович Горбунцов.

Н.М.: Сибиряк, сибиряк, сибиряк.

Т.М.: Уже несколько лет... Тогда мы молоденькие были, не интересовались.

Н.М.: Мама белоруска, а отец из Сибири, сибиряк. Такой хороший был, рыбаком был, много детей – девять детей. И на ее сестрах [показывает на мать] возили немцы воду.

– **Расскажите, пожалуйста, с самого начала: Вам сколько лет было, когда война началась? Вам сколько лет было? Тринадцать, четырнадцать?**

Т.М.: Лет пятнадцать было.

– **Где Вы застали войну?**

Т.М.: Здесь, значит, в Сарнах, это Западная Украина⁴. Там, говорят, что Пинские болота. Ну, раньше-то, сначала немцы не убивали цыган, только евреев. А когда уже стала полиция, знаете, и партизаны приезжают к нашим палаткам – мы кормим, поим [нрзб.]. Прячем своих людей. Ну, знаете, земляков. И, значит, эти полицаи сказали немцам, что цыгане есть, которые у партизан, – партизаны. Занимаются в лесах, значит, убивают немцев, полицаев этих, ну, вот так. И сразу в Сарнах стали приказ уже – давай ловить, бить цыган.

– *Когда это было? Когда они начали?*

Н.М.: В каком году?

Т.М.: Это было... В сорок втором.

Н.М.: В сорок первом.

Т.М.: Как в сорок первом?

Н.М.: Война началась в сорок первом, а осенью начали уже убивать.

Т.М.: Да! Через год.

– *Через год, когда? В сорок втором году?*

Т.М.: В сорок втором. [...]

– *Скажите, как семью убили? Расскажите, пожалуйста.*

Н.М.: В плен как взяли? Как позабирали все у вас?

Т.М.: В Сарнах, да. Ну, видите, раньше повозками ездили. Это, значит, все имущество – ковры, например, золото – все забрали.

– *Немцы?*

Т.М.: Немцы.

– *Немцы, когда?*

Т.М.: Не помню так... В 44-м, да?

Н.М.: Не! Не, в 44-м уже кончилась война, вы уже выезжали... в 41-м.

Т.М.: А, в 41-м.

Н.М.: В 41-м, уже осенью.

Т.М.: А осенью, под осень уже значит. [...]

– *Скажите, в каком [году], 41-м?*

Н.М.: Сорок второй, наверное.

Т.М.: Сорок второй, да.

Н.М.: Сорок второй. Побили родителей в сорок втором. Родителей побили.

Т.М.: Их у кошару забрали, а ми повтикалы.

– *А кошара, что это такое?*

И.С.: Ну знаешь, как тэлят раньше загоняли... Как типа лагеря такого...

Н.М.: Лагерь, лагерь такой. Лагерь. Они говорили кошару. Это лагерь такой.

И.С.: Это лагерь. Загнали там и все.

Т.М.: Там и явреев, там и русских в этой кошаре. Усих убивали.

– *А где это была кошара?*

Т.М.: То в Сарнах.

– *Под Сарнами?*

Т.М.: Мы ще з партизан пришли с ребятами... коло тьи могилки... И брат оцэй Мыкола, коло тьи могилки сделали ограду, бо там много было. Так говорят люди, земля поднималася, говорят, три дня, вгору. Кто живий падав, а хто мэртвый падав... [пауза].

– *А расскажите, как вот немцы побили цыган.*

[Пауза].

– *Как вот это было? Вы же сказали, что не сразу было?*

[Пауза].

Н.М.: Не сразу убивали...

И.С.: Ну в лагерь загнали...

– *Нет, вообще расскажите...*

Т.М.: Сразу не убивали [громко], не было разрешения.. Та й нэ дав уже немц, нэ дав им разрешения. А як уже полиция стала [пауза] у сэлах.

И.С.: Полицейские. Полицаи.

Т.М.: Полиция. И воны узналы, шо из сэл партизаны заходятя до нас у палатки. Мы принимаем, кормим, поем... Ну свои люди, ну как же. А патом уже наказ пошел, шо оны скривают, шо оци партызаны коло цыган⁵. Пащиталы одное самое, шо циганы, шо партизаны. Шо это одное самое.

– *А как Вы выжили? Как Вы выжили, родителей Вы говорите убили, а как Вы выжили?*

[Пауза].

Н.М.: Расскажи, как вас вели, как в плен взяли и как тебе дали дорогу родители. Скажи как.

И.С.: Как ты убежала с братьями.

Н.М.: Скажи как.

Т.М.: [неуверенно] Как они стали нас вести? Налетели, стали стрелять на палатки [эмоционально].

– *Кто налетел?*

Т.М.: Ну немцы, полиция этая. Они ж по деревням были немцы, все. Так сразу мама крикнула: «Детки, скрывайтесь! [Пауза] Убегайте, куда смотрите!» [пауза]. Мама. И там мои братья, так скоро, без одежи, так прямо из постели в эти Пинские болота, в эти болота...

Н.М.: Ты ж говорила, шо жито было?

Т.М.: Га?

Н.М.: Ты ж говорила, шо жито было и вас туда пропустили...

Т.М.: Да.

Н.М.: Расскажи про своего племянничка, как вели расстреливать? [Пауза].
Ей тяжело щас вспоминать.

Т.М.: Я вже забула, шо я ила [смеется].

Н.М.: Не надо. Щас надо вспоминать [громко]. Ну когда вас вели [пауза] расстреливать уже [пауза] потом ты уже ушла?

И.С.: Или сразу разбежались вы?

Т.М.: Браты тоди, зразу уतिकлы, зразу. А нас стали вести в город, у кошару.

Н.М.: Да.

И.С.: В лагерь уже.

Н.М.: Тихо.

Т.М.: Мама попросила другую женщину, шо возьми мыи диты. Там з собою. И ми тада заскочылы в жито, с одной стороны, з другой в жито, ми тогда з одноу убежали, и я тогда уже знала, где братци находятся. У цьом болоте. Тогда мы уже сошлыся примерно.

И.С.: Так, хорошо, потом после этого, как вы в партизаны попали?

Т.М.: А нас же там партизаны, мы уже их находили.

И.С.: Вы уже знали, где они, как убежали...

Т.М.: [громко]. Вони чулы расстрел, партизаны, вона там уже знали, вони все чулы, шо з намы там такое, но воны не маглы, у них орудия не було. Ише только скрывалися, знаетэ.

– *Это все где находилось? Это все под Сарнами?*

Т.М.: Да. Под Сарнами.

– *Это какой месяц, помните?*

Т.М.: Ой нет.

И.С.: Осень была.

Т.М.: Да. Да, под осень.

И.С.: И жито было, значит, в сентябре месяце где-то.

Т.М.: После Спаса было.

И.С.: Ну это в августе месяце, где-то, потому что жито уже созрелое было. Если б не жито, она бы не убежала.

Н.М.: А как это мальчик, шо остался с бабушкой? Беленький, Ванька, ты говорила.

Т.М.: Да. Да. Он не хотел. Бабушка говорила: «Текай, сынок, давай я тебя за ручки возьму и утечем». «Нет, бабушка, я не пойду. Убивают моего дедушку, бабушку, пускай и меня убивают».

Н.М.: Он беленький, голубоглазый, мама у нее белая, голубоглазая. Она просто похожа на отца, все. А воду расскажи, как возили на твоих сестрах, бочками.

Т.М.: А то вже, то вже прошло там. Они знущалися как хотели.

– *Расскажите вот это вот, подробно.*

Н.М.: Расскажи, расскажи.

Т.М.: Они запрягали в павозку [пауза] и теми батонами, батонами воду возили туда в кошару.

И.С.: Бетонами. Бетонами?

Т.М.: Да.

И.С.: Бетонами или бочками.

Т.М.: Ну бочки такие бетоны ции. И запрягают цього людей, и возять воду туда людям.

Н.М.: Потому шо им предлагали, они не хотели с немцами сотрудничать. Ну, выкажите, где партизаны. Вот возили на них бочками. Они белые, кулукуры, красивые очень были сестры ее.

– *А когда? Когда это было? До расстрела?*

Т.М.: Еще не побили в кошаре.

Н.М.: Родителей побили, а сестры потом.

– *Как?*

Н.М.: Сначала кого побили?

Т.М.: Батька, матирь, а потом цимы⁶ воду возылы. А потом уже чэрэз тыждэнь и их повбывали.

– *То есть...*

И.С.: неделю прошло и их потом повбывали.

– *Да. Да. [Пауза].*

Т.М.: Знущалися з людэй.

И.С.: В лагерь заходили, собрали там людей, лагерь был такой. Охрана там, все такой.

– *Сейчас [пауза]. Значит, так. Получается, что сначала не издевались немцы, нормально относились к цыганам?*

Т.М.: Да. да.

– *Потом...*

Т.М.: Евреев изначально убивали, а нас не трогали.

– *Потом... убили родителей...*

Н.М.: Не, у плен взяли всех.

Т.М.: В плен взяли всех. И лягерь создали.

Н.М.: Напали на лес, стали бомбить лес, стали все выбегать, стали всех забирать. Понимаете, вот так. И повели их всех расстреливать. Сначала кошары делали...

И.С.: Лагеря.

Н.М.: Ну, лагеря. И туда всех людей свозили. А потом уже их расстреливали. Живьем всех бросали в ямы.

Т.М.: Да. Гм...

И.С.: Плюс тут не только немцы и полицаи были.

Т.М.: Ага.

И.С.: И полицаи были.

Т.М.: Полицаи ище раньше булы.

И.С.: Причем они тут еще и как переводчики были.

Т.М.: Да, все рассказывали.

И.С.: Где? Хто? Шо?

Т.М.: Все передавалы за наших людей.

– *Извините, тут просто для исследования самое важное, что расскажет непосредственно свидетель. Если можно, я прямо...*

Н.М.: Хорошо, мы не будем. Мы, шоб она понимала, о чем говорить.

– *Значит, пришли немцы, цыган не трогали, да? А потом, за связь с полицией, как репрессии, как гонения начались?*

Т.М.: Ну, видите, так прошло уже несколько времени, так. Немцы побыли. А потом пришло, значит, у каждой деревни [пауза] полицаи булы. Тэпэр, значит, тые, которые уже не хотели в полицаи идти, тикалы в партизаны [пауза].

– **Так.**

Т.М.: А потом, значит, етые самые полицаи, выдавали своих людей. Шо там и там партизаны. И скрываюся возле цыган. Кушают. Пьют вместе, знаете, воны сохраняют партизан. Вот. И ваны почитали адные союзники [пауза]. Так все одно [громко], шо вже цыганы, шо партызаны – адные. Значить, за врагов.

– **Хорошо, значит, как начались репрессии. Как начались...**

И.С.: Как они издивалыся.

Т.М.: Канешно, здивалыся. Как хотели, так издивалыся. С женщин издивалыся, шо хотели, то делали – это в ихних руках было⁷.

– **Так значит, гонения начались еще до того, как расстреляли?**

Т.М.: Нет. Значит, мы были в партизанах, повтикалы, я вже не видела это все. А ваны в кашаре. Уси. Ну в лагери. У лагери. И через несколько мы чуемо, шо вже лагерь той розстрилюють всех там. [Пауза]. То в дом загоняють, дом подпалювали, люди горели там. Ну, там така яма, хай Бог нэ дае, на весь дом, и то не забереш. Людей... Люди вси в деревнях плакали.

И.С.: Согнали, как скот.

Т.М.: Да.

И.С.: А возиться, жрать им двать... Они взяли их всех и...

Т.М.: А мы вже прошли партызан. Это уже пошли немцы. Ище нашие вовсали там у немцах⁸. Ище война шла. И мы вси собралися, сделали могилу, заградку сседали – все. Все там, как положено, сседали. И наше майно – усе видели по людях. Нашие лошади, кавьер там. Золото было у цыган всегда, люблять всегда, знаете. Люди гаварят: «Берите, меньше мы не имеем. Нам поотдавали, мы и берем».

И.С.: И шо, они отдали?

Т.М.: И мы не взяли ничего⁹.

Н.М.: Ну немцы ограбили, а вещи отдавали люд'ям.

Т.М.: Да, отдавали люд'ям.

Н.М.: Все отдавали, шо они будут ковры подушки брать себе?

Т.М.: Ну за то ж немцы нам осьо присылали деньги, допомогу давали¹⁰.

– **Так, секунду. Значит, а как вот расстрел был, который Вы вспоминаете? [Пауза]. Как Вам удалось убежать? Расскажите пожалуйста.**

Т.М.: Ну видите, оно утречком [пауза].

– **Да.**

Т.М.: Туман. Темно так. Бо дуже утречком воны на нас налетели. Мы не могли никак удрать. Я ж вам говорю, мама там крикнула, она увидела, шо уже расстрел, стреляють, едут. Так. Крычать. Так, мама крикнула

токо: «Детки, спасайтесь, сыночки! [Пауза] Давайте, спасайтэсь!»¹¹. Ну? Мы у лесу стоимо, и недалеко от нас эти Пинские болота. Они крепко боялися, там больше партизан находилося. Так. И мои братцы сразу туда [пауза]. У его болото.

Н.М.: У болото.

– ***А Вы?***

Т.М.: А я? Нас забрали у кошару, я не успела с братами. И стали вести нас, жито большое с одной стороны и з другои.

И.С.: Туман еще...

Т.М.: Там другая женщина была... Схватила мэнэ за руку. Мы вскочили и побежали.

– ***С женщиной какой?***

Т.М.: Там одна была, тоже цыганка.

– ***Она тоже убежала. А почему не с родителями, не с мамой, не с папой?***

Т.М.: Нульзя было, миленькая. Немцы шли тут под боком, под винтовками.

– ***А женщине как этой удалось?***

Н.М.: Закрыли ее как-то...

Т.М.: А хто пешком ишел, знаете, за повозками, а кому можно було, нет сил ийти, то на повозки. И мы так удалися в сторонку и все, и мы ушли.

– ***А когда это было? Помните?***

Т.М.: [Пауза]. Это было в сорок пэршому, правыльню.

Н.М.: Зразу? В сорок первом?

Т.М.: Зразу в сорок пэрвом. Да. Зразу.

– ***Вы ж говорили, что сначала их не трогали, цыган [пауза]. Некоторое время.***

Н.М.: Ну некоторое время. Ну три месяца, наверное, ну два...

– ***Сколько?***

Т.М.: Ну немцы ж то долго были у нас [пауза].

– ***Три года.***

Т.М.: Ну вот.

Н.М.: Ну вы зимовали с немцами?

Т.М.: Да.

Н.М.: А потом уже забрали.

Т.М.: Да. Зимовали, а потом уже на осень стали убивать.

– ***Сорок второй год, получается.***

Т.М.: Да, сорок второй. Я хорошо помню.

– ***Хорошо, а Вы убежали тогда к [пауза] к партизанам. Да? [Пауза]. Какая бригада, как командира звали, помните?***

Т.М.: [Пауза]. Командир... мы были у... Колпак¹² – это было в соединении. Колпак. А Сабуров – это был отряд нашый. Ну, наш отряд в соедине-

нии. Ну, знаете, вот по каждом районе – партизаны. И соединение. Значит, был из Москвы один Колос¹³.

– **Кто?**

Т.М.: Колос – название было, из Москвы хороший парень был. Это командир.

– **А по имени как звали?**

Т.М.: А Ваня. Иванович Колосов.

Н.М.: А комиссар?

Т.М.: А комиссар – Лин. Хвэдор Лин.

– **Линь Федор?**

Т.М.: Лиин. Называли. Самостоятельный мужчина, лет шестьдесят ему было. Ну очень хороший мужчина.

И.С.: А командир Федоров Вы сказали?

Т.М.: Да нет, Лин. Федор Лин – то комиссар. А командир був Колос этот Иванович.

– **Это был Ваш отряд?**

Т.М.: Да, отряд. Верхний отряд.

– **А Вы сразу в отряде оказались? Сразу к партизанам?**

Т.М.: Нет, золотко, мы ще постили... Тогда ночь ходили, а на другу ночь мы вже нашли своих ребят.

– **Партизан?**

Т.М.: Да. Мы вже знали, где мои братцы, знали, где они находятся.

И.С.: И братья были тоже в партизанах. Бабушка, Вы расскажите про Ковпача, бабушка, шо он давал вам двух солдат, бабушка.

Т.М.: И мы тогда сразу нашли двух партизан, и соединение. Значит, местных, знаете. И там были знакомые с деревень, где мы зимуем усегда. Ребята. И потом уже соединялися из Сабуровским отрядом. И вин нас подилыв усих по частях¹⁴. Значить, у каждом районе должно група быть партизан [пауза]. И мы так были все время Леньшицкие, Леньшицкий район.

Н.М.: Сорок первого наче [про себя] это было. Вона в сорок втором уже воевала.

– Правильно, конец сорок второго.

Н.М.: Бабушка, сколько тебе было?

Т.М.: А хто его знае. Дэ тии докумэнты. Мы все покидали, повтикалы в одной рубашечке. Хто знае яки то года.

– **Все правильно получается. Конец сорок второго года, Сабуров – все сходится. Тогда в сорок первом году там Сабурова не было. [...] Скажите, Вы сначала к своим партизанам пришли? Да?**

Т.М.: Да. Местные.

– **А кто местными руководил?**

Т.М.: Сабуров.

– *А до Сабурова хто?*

Т.М.: А до Сабурова нікто¹⁵. Это уже Сабуров по всіх деревнях у своей области, скрезь он порядки давал. Приказання давал как старший, знаете, руководитель. Как самый старший партизан.

И.С.: Ковпак приїжджал.

Н.М.: А Федоров ты еще говорила какой-то.

Т.М.: Ну, Федоров это тоже... Но он мало¹⁶...

Н.М.: Соединение, соединение ты говорила...

Т.М.: Ну соединялись эти партизаны.

Н.М.: Отряды их соединялись.

Т.М.: Отряды. Вот решають [пауза] на задание. Той – туда. Той – туда, знаетэ, он располагает. Калпак приехал к нам¹⁷.

– *Ковпак.*

Т.М.: Он сразу поехал на Карпаты. Он у нас переночевал со своим отрядом. Хорошие бойцы все: автоматчики, пулеметчики и поехали воевать на Карпаты. Приїждает он туда, я как раз готовлю кушать. Подала им кушать. Он тада говорит, как сегодня помню: «Хто так у вас харашо готовит [пауза] канклеты?» А он это говорит: «Есть здесь у меня девченокча, по национальности наполовина цыганка, наполовина русска. И вона готовить». «А где твои больше девчата?». «А я других девчат паразгонял, я паскудных девчат не держу».

– *Это кто сказал?*

Т.М.: Комиссар, комиссар нашый [пауза] Лин. А зачем? Ну видите, были по соображениям, шо были девчата паскудные, заразили командира.

Н.М.: Ну венерические болезни¹⁸, были проститутки...

Т.М.: И командир передал Татарчуку. Татарчук у Киве работал. Вот.

Н.М.: Во, Татарчуку.

Т.М.: Татарчук. Почему ж то он заболел. И вон прямо поехал у Москву.

Н.М.: На землю большую отправляли, а их расстреливали, этих девочек.

– *Секунду, а расскажите про девчат. Вы говорите [пауза]. Кого они заразили, эти «девки паскудные»?*

Т.М.: Командира отряда.

– *Колоса?*

Т.М.: Колоса.

– *А какой болезнью, не помните?*

Н.М.: Венерической.

Т.М.: Нехорошей болезнью. Вы знаете, нехорошая. И значит, там, одну расстрелялы, а две девочки отправили, шоб они не были в отряде. Я одна была¹⁹.

Н.М.: Ну, честная.

Т.М.: Там же у нас усе врачи местные [громко], урачи проверяють. Каждо утро женщин проверяють, усех проверяют.

Н.М.: Она девочка была еще. Ну и шо, Колпак говорит тому комиссару?

Т.М.: Так Колпак тогда говорит: «Ты знаешь шо, Лин, отдай мне эту цыганочку, я тоже по национальности наполовину цыган, говорит»²⁰. Молдован. Он из Молдавии – Колпак.

Н.М.: Он серб, серб.

Т.М.: «А я тебе дам два бойца» [смеется]. А Линь говорит: «Нет, никогда у жизни не отдам. Она дружит с моей дочкою, – дочка там была у него в партизанах, – дружба у нас большая, и мы ее уважаем. Она нам танцует, спивает, на гитару грает, мы с ней интересуем, не отдам никак». Так я помню, как [нрзб.] комиссар: «...Нет, я тебе ж говорю, не хочу бойцов» [смеется]. [...] А патом [после войны] паехала я в Киев. Уже в мэнэ скылькы вас було, двое чи трое?

З. и Д.: Двое и Коля был. Трое!

Т.М.: ...И с ребенком поехала. Прописку не давали в Коростене²¹, раньше не прописывали [эмоционально, стучит рукой по столу].

Н.М.: Это уже Житомирская область, куда переехали из села.

Т.М.: Где Хрущев вас назначил, там и живите (громко). А мы не хотели там у деревне жить. Я поехала до Колпака²² на лично. Муж мой поехал, и я. Мальчик этой на руках у меня, полтора года. Я два раза прихожу, она заявление отбрасует – и все: «Вы мене надокучили – сюда, туда».

И.С.: Ну, секретарша.

Т.М.: И я там сделала такой шум [смеется]. Милиционер подбег, а муж мой говорит: «Не трогайте ии, вона сердечница, упадет сейчас, вы будете отвечать!» Вин раз – назад. [Зять смеется]. А потом. А потом почул Колпак: «Что у вас за шум?» Вы знаете, сколько людей, мамочка, там по месяцу були люди, страдали, добивались до його, кто по тюрьмам, кто так.

Н.М.: Мам, еще расскажи...

И.С.: Нет, пусть дальше расскажет...

Т.М.: А потом я захожу. «Пропустите ии!» Ну, раз я пришла. Людям чаю надо поставить или кофе.

И.С.: Самое, это самое интересное.

Т.М.: Пропустили меня, я иду с ребенком, он видит меня: «Да, говорит, ты старуха уже сделалась, Татьяна Михайловна, – говорит, – ты уже старуха». «Да, говорю, у меня уже четверо дитэй, – говорю. – Так вот, слава Богу, что спаслися». Он: «Ну как Ваши дела? Где Вы живете?» – расспрашива. А я говорю: «У Коростени».

И.С.: А он узнал Вас сразу, бабушка?

Т.М.: Да узнал, я постарела, я сказала хвамилию...

Н.М.: Он по фамилии знает.

И.С.: А Вы сказали, шо еще помните, что Вы два солдата давали...

Т.М.: Да [громко] он вспоминал там сам [пауза]. «Ну, так по какой жалобе Вы пришли? Вы неправильно приехали ко мне». Я думаю – шо ж такое? «Вам надо было обратиться у Житомир, в область, а из области ко мне попасть. Цэ ж министрство». А я говорю: «Вы знаете шо, я, – говорю, – неграмотна» [пауза]. А так, говорю, я зажалилася, шо у меня прописки нет, я так воевала, мне документы дали какие положено.

Н.М.: Ты Расскажи, где те выткнули медали, Расскажи.

Т.М.: Ага, правильно. Тэпэр, значит, он говорыть: «По каких делов?». Я говорю: «По прописке. Не прописывают, – говорю, – мене в Коростене». «Так зачем вы приехали? Надо было послать документы, а то вы ребенка мучаете! Я бы дал билет ему, разрешение». Вин еще взял мальчика на руки мого, положил денег еще в карманчик ему. «Так, знаете что, Михайловна, вы езжайте домой и не мучтэ ребенка. На завтрашний день сразу я дам приказ, и вас припишут». И правильно так. Я тыкы шо прыхала на утро, уже – разрешение. Немедленно: «Таку-то таку-то Горбунцову Тэтяну Михайловну. Немедленно дать приписку. Вы кому отказали?.. Так вы, знаете што, вы останьтесь, я вам дам дом. Будете в Киеве жить». А я говорю: «Как же так? Там у меня семья, браты. Я, кажу, я не буду. Чого я буду откаляться от своей семьи». Ну знаетэ, боялыся тогда городов [нрзб.]. И вин так оставыв. А потом вын мэни говорив обратно якусь допомогу дожны булы дать. И вин в Карпатах воевав, и я не знаю, и где вин и што.

Н.М.: И Расскажи, когда вы в Мозыре брали корабль, как напали на вас, как мадыры шли.

Т.М.: Вы знаете. Нина, принеси кофе.

Н.М.: Шас все принесу.

Т.М.: Был у нас сапожник [пауза], вин якийсь мадыр. Вин пошти год був. И вы знаете, он [нрзб.], и ништо на його не подумав бы, шо вин разведчик. Шо вин продает партизан [пауза]. Год шестьдесят человеку, семьдесят. И мы токо въехали в город, там немцы были, около Мозыря Стригалов город был, как сейчас помню...

И.С.: Как называли его?

Т.М.: Стригалов. И мы только въехали, мамочка, вин уже сразу позвонил в Мозырь, и катер немцы [послали] на нас на реку...

И.С.: А там речка идет.

Т.М.: Да, и сказал только комиссар наш, шо: «Спасайтесь, ребята, кто куда, вы пропащие!» А отряд малый, знаешь.

– *А сколько человек было в отряде? [...]*

Т.М.: Колос еще был [пауза].

Н.М.: Сколько людей було?

Т.М.: А, було, було, до ста человек було. Мало було людей. А все были дружные ребята.

Н.М.: Боевые были, такие, друзья были, хорошие.

Т.М.: Как наринули на нас – стали отбиваться. Брат мой, меньший [пауза], оцей радисты, шо передають по телефону, радисты... був у мógилках, тоже по-пластунськи втек. А мне этот... значит, один парень, подвел лошадей [эмоционально], и говорить: «Сидай! Садай! Удирай, на лошади!». И девка [громко] Тамара, как же ее звали... Эта девка.

Н.М.: Москвичка, да?

Т.М.: Да, москвичка. И она поперед, а я сзади... По нас строчать. И Вы повиритэ, – чтоб я не жила на свете, я вам не брешу [пауза], – вони как стрельнули, пилотка у мэнэ, пилотка, цю пилотку зачэпыли, и прямо дивчыни у груди, то есть в плечо...

Н.М.: Девчонке. Мама пригнулась, она маленькая, а та...

Т.М.: А та была высокая, поперед она была передо мной на лошади, а я сзади. Пилотку мою сбросило, а на нее попала пуля. И мы сразу отошли, может, километра три-четыре, она, бедна, сразу ей в сердце попало. Ой была красавица, та девушка, хорошая.

Н.М.: И хоронила ты ее, да?

Т.М.: Да. Мы там и заховалы ни прямо на дороге, бо не було когда. И там у нас [пауза] человек пять погибло. А потом приезжаем домой, узнает его...

Н.М.: В отряд.

Т.М.: Да, в отряд. Вроде бы ребята ничего не знают, и распространяют, токо раздаем кушать. Он сидит, но он уже понятливый, он уже смекает, что уже не то, он уже узнал. И ребята тут. И за його. Привязалы до дуба, привязалы до дуба його. [Он говорит]: «Так дайте покушать. Дайте покушать!» Командир говорит: «Нет, ты не заслужил покушать. Как ты у нас жил? Мы за тобою, мы тебя все жалели, мы тебя приютили. Как ты сразу позвонил?» [Венгр отвечает]: «Я, ребятки, вам признаюсь, токо не убивайте!» «Ну, ладно, признайся». Попризнавался, сколько людей вин подавал. А он в отряде брал по двоих, по трьох людей подавал. Вот как он. Иди узнай.

И.С.: И что он еще, бабушка, и расстреляли?

Т.М.: Мучили.

– *Мучили? А расскажите это.*

Т.М.: Его взяли, значить, ребята. Комиссар его, цей старший, комиссар ухватил его, как ухватил за ухо, так оторвал ухо. Здоровый дедушка был. А потом крепко били, знущались з його. Вот. «Так скоко ты крови напился», – говорит. Вот. Каждый там в отряде, и все его чокалы. А потом расстреляли²³.

Н.М.: А потом как ты попала, Расскажи, что ты попала в эти курени²⁴, где прятались женщины, и партизан пришел и тебя узнал. Они в разведку пошли, и потом разбежались. Стрелял на них корабль. Катера стреляли.

И потом она убежала и попала в курень. Там на болотах люди делали курени с детьми, прятали детей.

Т.М.: Ну сказал комиссар: «Давайте врассыпную! Все втикайтэ, хто видит!» Там же нэ вчэпишся. Бижиш, куды бачиш. И я отбилася, самэнька [пауза] отбилась. Я вижу курень у лиси. А там, значит, як сэло спалылы, вони по куренях²⁵. А вони, падлы, немцы ходят по куренях, убывають дитей и людей убивають [эмоционально]. Прыхожу я до куреня [пауза]. Женщина пошла так у болото – корову доить. Я прышла. Так-так – стала рассказывать. А вона тогда говорыть: «Ай, я знаю Вас, мой муж мне рассказывал о вас, шо Вы спиваетэ гарно», – она. А я говорю, шо з того и з того отряда. «Там же мой муж – Рослик».

Н.М.: Ростик звали.

Т.М.: Да. Ростик. А вин поляк. «Там же мой чоловік». Вона, правда, подоила корову, дала мени молока – попоила, а я изморилась и заснула. Прибегает вин, в час ночи, в два часа. Да поразбивались [эмоционально], поодиначку – неизвестно где и что, кого убили, а хто спасается. И вона тогда и говорит: «Какая-то у нас девушка есть. Такая и такая. Ну, вроде, по национальности какая-то». Он говорит: «Хто? Черная такая, маленькая такая? Что – из-за нею там ее братци убиваются, все плачут. Так вона живая – давай буды ии!» Она говорит: «Не трогай, Ростик, так вона заснула крепко». «Нет-нет!» – будит меня – «Ну давайте, Михайловна, немножко отдохнем – какой час-два, – и будем лесами удирать. Потому шо завтра будет курени палыть уже немцы, говорят, уже в деревне немцы». Ну, так, суждено жить человеку. [...]

И.С.: Ну, бабушка, расскажите, как Вам орден дали.

Т.М.: Ой, цэ большая история.

Н.М.: Ну все равно надо. Как ты его потеряла, расскажи.

Т.М.: Стали ехать наши партизаны, а мэнэ на пост поставили. Ну я ж неграмотна. Какой пароль сказать – как что? Ну я очень такая, знаешь, была быстрая, развитая. Я тогда беру спички, кладу сюда три, там два, чтобы сходилося пароль – пять. Так учуся. Я свою историю рассказываю. Едут партизаны. Но я слышу, что наш разговор, партизаны. Я тоже была хитра: «Кто идет, кто едет? Буду стрелять!» [...] «Нет, милая, Федоровский отряд!» Не, без никаких: раз выстрел – угору. Пока разводящие не придут, значит, я не пропущу. Я стреляю знов. Но не по их стреляю, а я вгору. Понад ними. Все начальники, которые спереди, полягали вси. И тогда прибегает разводящий, который уже патрули ции, значит, проверяет, как на посту. А у меня было первый раз, не было кого поставить, все были на задани. И тот разводящий пропустил отряд, и сразу мэнэ награждение дали. [...] «Кто это такой у вас? Такая маленькая, а она нас перепугала». [Смеется].

Н.М.: Мама боевая была.

Т.М.: Ой, вжэ восьмьдесят четыре года, вже на людуну не похожа.

[...]

– А про братьев расскажите, как братьев звали, что там они делали в отряде?

И.С.: Они в разведку ходили.

– Расскажите про братьев.

Н.М.: Про всех. Про всех, о Феде, обо всех расскажи.

Т.М.: Никифор... Я вспомню всех? Это сколько лет уже прошло...

Н.М.: Не, подожди, вспоминала ты раньше.

Т.М.: Никифор работал радистом, знаешь, радио такэ было. Рация, работал с одним парнем. И в разведке работал. Никифор, это меньший брат.

И.С.: А хто «языка» взял? Тогда Вы говорили, что языка...

Т.М.: Цэ Никифор взял сначала. Меньший брат. Ничипор. И с одним парнем. Привезли комиссару. Привезли зимой його, знаете, там повоевали, и схватили его, и привезли. А зимой, знаете, такой мороз, тридцать градусов. Його привязали за сани, а вон такой тучный: на всю хату.

Н.М.: А он был такой, в селе, ну как его...

– Да, был тучный, а кем он был?

Т.М.: У немцев, это немец. Немец, комендант. Комендант. И привезлы его. Боже мой, весь помьятый! Ну знаете, а душа все равно ж, душа е в человека, все равно жалко. Вин говорит... Он... просит есть, по-немецкому просить. А я тут и говорю: «А чо вы, – говорю, – мою мать, отца, всех, и сестер побили, и на что вы так делали? – говорю. – Что вы такие нахальные?» – на него. А я в печке как раз картошку печу – ребьята загадали. А он: «Ну, это не я, не, не, не я, это – Гитлер, это Гитлер». Ну, правильно, цэ ж Гитлер это сделал, он виноват. Как Сталин там у их – Гитлер. «Не, это был Гитлер, не, не, не, не». И я подаю ему эту картошку, Боже, как сьогонди памьятаю, а вин бидный з лупайкамы – с жару в рот. Целую ночь за санями его [пауза] тягали...

И.С.: Цэ брат Ваш разведчик, Никифор, прытягнув...

Т.М.: Ну да, коменданта того.

– А что с ним потом было?

Т.М.: Расстрелялы. Взялы язык, где находятся немцы. Дэ яки зоны, взяли документы – все. Вжэ им ничего не нада. Прямо на утро його расстрелялы и все.

И.С.: Ну дали ж картошки ему.

Т.М.: Ну умирает человек, а исты просить.

[...]

– Скажите, чем в отряде Вы занимались? Еду готовили?

Т.М.: А... все, сынок. Люди просто из деревень самые – и свини отдавали,

и телята, и все. Это все надо готовить. Ребята чистят картошку мне, подают, прымают, я только готовила – располагаю – и все.

И.С.: Хорошо, а когда Вы там пели?

Т.М.: Это уже вечерами, а так уже скривь осматривались. Боялись – кругом немцы. А вечером уже граю... Беру гитару, хлопцы берут баян, да и цыган играл один, и вечером у нас танцы.

– *Скажите: вот в соединении Ковпака, рассказывал писатель, Шеремет, выпивка была – самогонка или водка...*

И.С.: Была водка, или нет? Самогонку приносили?

– *Расскажите про это...*

Т.М.: А вы знаете как. Бэруть люди – раньше не разрешали самогонку – они берут бочку, везуть у лес, костер делают, и жэнуть водку. А уже партизаны знают, уже переказують нам, уже там и там парат [аппарат], и там водка. И тогда ребята забирают: оставляют ему [самогонщику из местных жителей], оставляют и ему, а половину забирают ребята.

Н.М.: А видишь, все равно... А, что ж, они в лесу, им надо...

И.С.: И люди из сел помогали... Все равно ж – немцы придут. Думают: чем немцам отдавать, так лучше ж партизанам... Они ж там мучаются в лесу...

Т.М.: А одын [партизан] пошел, Мишка, Надин, моей [двоюродной?] сестры [муж], тоже был там, зять наш. И пошел на эти параты [аппараты] еще один мальчик, а он недалеко от села гнал, и прихватила полиция их, там и побили на месте²⁶.

– *А сколько, двоих, да?*

Т.М.: Тех двоих, и цього мужчину, що аппарат гнал. Там на месте – там и пропали. [...]

– *А скажите вот о полициях немного. Вот Вы говорили, что полиция цыган выявила, что они с партизанами. А вот кто полицейским был, кто туда пошел, почему народ шел в полицию?*

Т.М.: Вы знаете, люди знают, выдают такую тайну...

Н.М.: Нет, чего они шли против своих?

– *Кто шел?*

Т.М.: А почему шел, они пошли в Германию (пауза), они же служат немцам.

– *А почему?*

Т.М.: Ну продали, продали нашу Россию и Белоруссию, и продалися им, полицаи.

– *А как, почему так?*

Т.М.: Ну, пошли работать на них.

– *Но почему народ пошел?*

Т.М.: В кошару, людей. Вот, они скажут полицаям, немцы: «Убивайте тех людей». Так и они делают.

– *А почему пошли служить немцам?*

Т.М.: А, проданные были люди, кто за немцами [нрзб.], хотели немецкую власть. Продажные. [...]

– *А вот то, что с полицейскими дрались, расскажите про это, как дрались с полицией местной.*

Т.М.: Да...

Н.М.: Как партизаны им мстили, как полициям мстили партизаны?

Т.М.: Ой, мамочка. Строго было. Наши уже узнали, хто полицейай був, прямо расстреливали наши. Потому шо они самые шли в огонь, и что немцы скажут, то они и делают – своих родителей убивали. От загадае немцам: «Вас будем убивать, так убивайте их». Значит, должно вбить. От как. Ай-ай-ай. Это страшный суд был. Уже ему ништо не надо. Но наши же узнавали, хто полицейай був, [хоть они] документы подроблювали себе, а потом через людей все равно [партизаны об этом] узнавали. Люди от людей говорили, шо он в полиции был – там и там. Ложные документы. За несколько лет, и то убивали их наши.

– *А как убивали, расскажите.*

Т.М.: Расстреливали.

– *Уже после войны?*

Т.М.: Да, они ж продали нашу родину!

– *После войны находили?*

Т.М.: После войны.

– *Партизаны сами, что ли, находили, расстреливали?*

Т.М.: Да.

– *А где такое было, помните случай какой-то?*

Т.М.: Ой, скризь, миленький, скризь, по всех городах²⁷, потому шо в каждом городе были полицейай. Выбирали хороших друзей [пауза], таких, уже немцы, и ставили, шоб, значит, токо охранять, значит, немцев, и вы давайте – где партизаны находятся.

– *Ой, у меня, кажется, батарейка села...*

Т.М.: Пойдемте к нам во двор. Нина сделай кофию. Есть у нас кофе?

[..]

– *Братья. Вы говорите, один ходил в разведку. Сколько братьев ваших было в партизанах?*

Т.М.: Три братца у мене було.

– *А как звали их, помните?*

Т.М.: Ну знаете, старые имена – когда было. Николай Михайлович, это самый старший был. Жора Михайлович, Георгий. И Васыль. Василий.

Н.М.: А Федя?

Т.М.: Цэ вже двоюродный брат.

Н.М.: Двоюродный. Очень мужественные тоже были, братья, двоюродные.

Т.М.: Один был мальчик, двоюродный. Ну лет... двенадцать йому было. Приехал самолет до нас. Ночью. Вооружение привез. И вин побиг из ребятам, и його забрали из собой, у Москву. И по сей дэнь нэ знаем, дэ вин и шо [пауза], той мальчик. Понаравылы його: «Давай, поехали с нами, не будешь в партизанах, с нами поехали у Москву» [пауза]. [...]

– *А они [оружие братья, кроме Никифора], чем в отряде занимались?*

Т.М.: Тоже так само. Боевые. Боевые ходили на задания, все, партизанами. Вот. Где, в какой деревне там немцы, значит, палят деньги, наступают уси вже, партизан партизанам передають – наступают, отбивают людей, чтобы деревень не палили. А то палили деревни. Вот из деревни уже два-три человека в партизанах, доказала полиция, эта милиция, уже спалят деревню. А партизаны спасали.

– *Скажите, а вот, говорят, что часто полицейские переходили к партизанам. Из полиции – к партизанам...*

И.С.: Полицейских, где был, где полицаем был – он переходил к партизанам? Или тех убивали.

Т.М.: Нет, их уже наши не принимали их, уже им не верили²⁸. Он уже доверие [потерял]... Уже немцам продались. Их у доверие уже не брали. Видите, сапожник этот что был, уже верили ему, а он продал.

– *Мадьяр?*

Т.М.: Мадьяр оцэй. [...]

– *А, расскажите, пожалуйста, Вы помните, когда Ковпак ушел? Ковпак был в Лельчицах. Ковпак не остался в Лельчицах, он пошел в рейд. Когда это было, ну примерно?*

Т.М.: Он пошел, мы были уже почти чуть не год в партизанах, и потом его потребовали прямо туда, на Карпаты. Потому шо там издевались крепко над людьми, а он сам просто родом оттуда, а вин просто пошел, забрал ребят защитить свою родину. И он поехал туда.

– *А Вы почему не поехали с ним?*

Т.М.: Ну, наши местные отряды, он выбирал таких людей. Приходит у штаб. [Если] хороший парень, боевой, ахтоматчик, или, там, пулеметчик – забирает до сэбэ. Одного, два, берет из отряда. Он подбирал себя ребят таких.

– *Самые боевые такие?*

Т.М.: Да, самых боевых. Там очень большой бой был.

– *А у партизан вашего отряда какое оружие было?*

Т.М.: Ну всякие. Ахтоматы были...

– *У каждого было?*

Т.М.: Да. Ахтоматы булы, винтовки были, карабинки этии были...

– *А у Вас какое оружие было?*

Т.М.: Карабинки.

– *А откуда Вы взяли?*

Т.М.: А нам партизаны привозили, из Москвы самолетом сбрасывали.

– *А часто?*

Т.М.: Да. Самолет, ночью. Мы ложим костер такой, чтоб уже самолет видел, что тут партизаны, это место его. И туда приезжает ночью, в три часа ночи. И подкрадываются наши самолеты и сбрасывают уже. И тогда уже разделяет командир, кому дать.

– *А были большие бои против немцев? Была ли экспедиция немцев против вас, вспомните?*

Т.М.: Долго, миленькая [пауза]. Продержались долго. Мучились долго. И по деревнях... Вот есть что партизаны уже отобивают деревню, зимой. Уже окружают наши партизаны эту деревню, мы уже там зимуем. Бо в лиси ж не будэш зимовать. Так. Ну, уже охраняють деревню эту. И вси партизаны охраняют эту деревню. А так и жили.

– *А когда немцы приезжали? Как было?*

Т.М.: Уже вони знали, где немцы, так, так уже охраняют деревню, уже собираются много партизан²⁹, и там две группы, три группы, вси уже кругом этой деревни, уже ии оберегают. Уже туда вони – нет. Вони уже вкопуються, нашии, все, и гранаты там, и шо хочеш, и бомбы, и что хочеш, передають нам. [...]

– *А вот Вы говорили, что полицейские цыган продали, да? А в целом, как население к цыганам относилось тогда?.. Немцы, когда пришли, они вели пропаганду против цыган? Что цыгане воруют, ну, так рассказывали?*

Т.М.: Да, да, да!

– *А население как к вам относилось? Другое, другие.*

Т.М.: Вони за ето не прэтэнзувалы. Они за ето – нет. А тут основное вот за что..

Н.М.: Там не воровали. Там в Беларуси все бедные были. Все бедные были: и цыгане, и белорусы. Все бедные были.

Т.М.: Да.

Н.М.: Они там дружно жили. Там такого не было.

– *А чтобы население цыган сдавало, такого не было?*

Т.М.: Ну знаете, вот в деревне [пауза] полицаи. И вони, значит, разубнають где партизаны находятся – вони посылают немцу. Вот. Где, какие документы. Они всэ передавали туда. Немцам передавали. Вот. Ну... а зато, они уже стали нас убивать, мы этим не занимались, а мы заради власти жили, что в лесу, по лесах мы. А партизаны тут тоже по лесах скрывалися. Вот прискочат додому, до семьи. Ночью подползуть, возьмут шо кушать, убегают у лес, так.

– *К вам тоже?*

Т.М.: Да.

– *То есть, по сути, не спрашивали, возьмут и..?*

Т.М.: Да³⁰. Сами прибегают, и просят, и – в партизанство. Вот. Ну а потом же, знаете, разузнали, что они такие проданные, а приходит, вот, да русский, там, грибы збирае, и что. И он посмотрел, что русские находятся у цыган³¹. Уже передают в деревнях, один одному, уже дают: «Цыганы – партизаны. Скрывают партизан».

– *А вы этих партизан знали?*

Т.М.: Да знаете, кого – знали, кого – не знали, но там дорожили партизанами, друг друга очень понимали и жалели, и понимали. Это – наш народ.

– *А кто они были?*

Т.М.: Усякие были. Поляки у нас булы у партизанах, и мадьяры оции булы. Не, нэ мадьяры, как их звали? Чехи. Чехи вот эти. Вот чехи – половина за нами було³². Вот. За нашу власть была половина чехов. Вот они за нас. Мадьяры поганые булы³³, вредные, воны не наши.

– *А что такое вспомните про мадьяр?*

Т.М.: А мадьяры больше тянув туди, за Нимэччину. Мадьяры, видите – и сюда, и туда. Половина мадьяров тянулы туда, а половина сюда, у нашу власть. [...]

– *А, вот, знаете, у Сабурова, писал оттуда один журналист, из соединения Сабурова, что командиры были часто с женами, с женами ездили. Были ли жены в вашем отряде, у Колоса и у Линя, жены?*

Т.М.: Жены? Комиссар был местный. Местный, деревня его и все мы знаем, Лучанки, как сегодня помню – большая деревня, ее спалили, потому что был Линь оттуда родом.

Н.М.: Ну, жена его не ездила с вами?

Т.М.: Ну, боронь Боже, она на месте была, она скрывалася, пока они Лучанки не испалили, а потом уже заново построили деревню там. [...]

– *Скажите, пожалуйста, а у командира была жена?*

Т.М.: Я уже Вам не скажу, он сам из Москвы, он без жены.

– *А подруга?*

Т.М.: Ну, он там ухаживал за этими, он же красавец большой, ухаживал за всеми девчатами. Ну, и, вот, знаете, набрался этой болезни, от девчат, и тогда комиссар его отправил у Москву лечиться³⁴.

– *Командира?*

Т.М.: Командира. А тех девчат, двоих, выгнал.

– *А расстрелял кого?*

Т.М.: А это третья была, нехорошая женщина тоже. Пришла из хведоровского отряда³⁵, была нехорошая тоже женщина. Там она тоже дел наделала. И комиссар сказал: «Только ее расстрелять, пускай она в другой отряд уже не попадает». Гуляшка была, нехорошая.

– Так получается, у командира было три подруги?

Т.М.: Да вин, просто, ты знаешь, что это такой бабник. Бабник, красивый. Все завлекали его. Все засматривались на него. А мене, бывало, скажет: «Ой!». На меня: «Цыганчук! Цыганочка! Цыганенка маленькая, цыганенок!» Оцэ пиду танцевать, чи гитару возьму играть – уже вин утешается: «Ну, молодец, цыганчук, ты мне ребят веселить...»

– А много девушек было в отряде?

Т.М.: Было... трох. Та, что пришла, что расстреляли, и двух он выгнал, комиссар.

– Получается, Вы одна остались?

Т.М.: Да, одна. Потом уже приехала одна тоже из Москвы, приехала, по родительскому уже направлению, дэсь цього комиссара тоже сродственница. Та тоже була. Тамара – хорошая девушка, та, что застрелили. Шо говорю, пуля ей попала. Когда мы на лошади ехали.

Н.М.: Вот это у нее хорошая подруга, часто рассказывает и плачет.

Т.М.: Такая уже была деловая, и кажный ее уважал.

– А когда отправили командира, Колоса, в Москву лечиться, кто командовал отрядом?

Т.М.: Сразу поставили там Татарчук³⁶.

– А как его звали по имени-отчеству?

Т.М.: Я уже забыла. Федор? Или как его... Я, бач, знала, а вжэ забула. Это уже несколько лет. [...]

– А Татарчук хороший был командир? Он русский был, или какой?

Т.М.: Ну... Он тоже белорус. Он белорус из Лельчиц сам. Жена его в отряд приходила. Такая красивая жена. А вона видит, шо я така молокососка, да спрашивает: «С кем он гуляет, что он делает?» А я така дурна – взяла да й розказала. Что это...

Н.М.: Ай, какая история.

– А что рассказала?

Т.М.: Из Шуркой, я говорю, он немножко... А вона приношувала семечки, конфеты, обманула мэнэ [смеется]. Хе! И выпыталася! Так вы повирьтэ – такэ було, шо я не рада була! «Хто тебе сказал?». – «Татарчук». – «Я знаю, это Тэтяна тебе сказала!» Я давай у него извинения просить... Так они тут бы пострелялись. Вот какая дурочка.

– Пострелялись?

Т.М.: Говорю, чуть не пострелялись. Вона стала з ным ругаться, знаешь. [...]

– Так еще, получается, одна женщина была?

Т.М.: Нет. Это та Шурка, которую вот этот выгнал, шо выгнал.

– Какая из отряда Федорова?

Т.М.: Нет. Это другая Шурка. Шурка пришла з другого отряда.

– *Когда?*

Т.М.: Ну, уже прошлое лето. После Колоса.

– *А из какого отряда пришла.*

Т.М.: Федоровского, десь. [...]

– *Вы хорошо помните о Ковпаке, а о других? О Сабурове, о Федорове помните?*

Т.М.: Помню Хвэдорова.

– *А какой он был?*

Т.М.: Воны вси приезжали – совещание делают, собираются – Колпак, Хвэдоров и цэй...³⁷

– *Сабуров?*

Т.М.: Да. И цэ воны собираются тры на совещание, направляют на бой: «Туда и туда едете!» Задания дают, и все. Уже они распоряжаются местными отрядами. Под их руководством. [...]

– *А вот, скажите, по поводу еще партизан, Ковпак писал в Центр, что он очень сильно ругал белорусских партизан, что якобы они ничего не делают*³⁸, *что они – вот Пинская та бригада...*

Т.М.: Ой, дисциплина большая была, сынок. Такой дисциплины. Без дисциплины воны, бойцы, нигде не пройдут. Он грозил, ругалси. Он давал им жизни.

Н.М.: Не, боевые были белорусские ребята, или нет?

Т.М.: Ой, боевые. Он подбирал у любого местного отряда, кто подходит, выбирает себе бойцов – и забирает: «Вы местные! Вы половину прячетесь и защищаете себя здесь, а я прямо на передовую иду». Он имеет право забрать два-три бойца³⁹. Вот какое было.

– *А не было такое, что местный командир не хотел отпускать партизан?*

Т.М.: Нет. Он против уже не пойдет, потому шо он [Ковпак] идет на такой бой – или вернуться, или нет. [...]

– *А скажите, а вот Ковпак не ругал вашего командира, Колоса, не ругал, что он так на месте сидит?*

Т.М.: Да, он его – такой сурьезный разговор [эмоционально]. Приезжает: «Ети вашу мать! Так и так, как вы воюете? Что вы и как занимаетесь?» Вот. «Надо защищать родину! Надо боевой всегда поступать! Не надо хорониться вам по лесах!» Он серьезный дедушка был.

– *А что отвечал Колос?*

Т.М.: Он тоже командовал, но он так, не вредный человек был. Он с бойцами хорошо жил: даст задание, прискажут, и вот уже не отступайте.

Н.М.: Но выполняли задание.

Т.М.: Да, выполняли...

– *Ну, вот, смотрите, Колос тут живет, да, он командует. Приезжает*

Ковпак и начинает его распекасть.

Т.М.: Потому что это местные. Он видите, возьмите начальника, который в министерстве, а это маленькие начальники – это его подданные. Он командует во всей Белоруссии.

Н.М.: И он ругался, и матом на них, да? «Ети вашу мать!».

Т.М.: Да! Это местный отряд.

– А неужели Колосу было не обидно, что его так распекает какой-то Ковпак, что его так вот материт?

Т.М.: Нет, он поступает очень умно: «Ты знаешь что, Колос, у тебя такие ребята, надо поделиться со мной этими ребятами. Почему я вот в эту ночь выступаю на бой. Бой будет – или вернемся, или нет. А вы смотрите дисциплину». Он дает дисциплину, приказ им дать. И он имеет право забрать два, три человека с собой. И ему подчиняются. Он есть руководитель, самый старший, он идет на передую. А местные – когда йдут, а когда не йдут. Это местные. А кто по домам поразбегаются. Это всякое було.

– А вот скажите, Сабурова помните Вы?

Т.М.: Хорошо помню.

– Вы лично видели его?

Т.М.: Да, лично. Колпака и Хведорова, они ж в штаб приезжали. Я кушать подготовила им. [...]

– Ковпак был хороший, боевой. А Федоров какой был?

Т.М.: Ну, миленькая, где хорошо поступает, где плохо – Вы знаете, это начальство. Они идут воевать и заставляют тэбэ. Они воюют. Все. Тут, говорить, дарэмно хлеб не кушают. Надо воевать.

– А вот, Колос, или этот Татарчук, они как, с Сабуровом говорили?

Т.М.: Это был Татарчук – командир отряда. Того... ну... соединение, вы знаете... Да. И потом как Колос уехал, а его поставили – командир роты.

Н.М.: Вашего уже.

Т.М.: Да, Татарчука.

– А то, что Вы рассказывали, что Ковпак... Давал жару.

Т.М.: Серьезный, серьезный.

– А Сабуров, Федоров, что помните?

Т.М.: А Сабуров дужэ вежливо, вежливо тоже поступал, вежливо. Вежливо поступал, подходом. А цэй «на крик» брал.

Н.М.: Колпак.

Т.М.: Да, «на горло» брал⁴⁰. Это, знаете, борода у него, дедушка, и берет их «на горло» всех: «Воевать надо!» [...]

– Помните как встречали Красную армию?

Т.М.: А мы уже были... Красная армия уже была в Овруче⁴¹. Слыхали об Овруче?

– *Да-да.*

Т.М.: И наша армия только одышла в конец Овруча, а партизаны с этой стороны уже зайшли сюда. Уже мы там в городе були. А оттуда наши партизаны начали их отгонять. Как армия наша вступила. Уже наши партизаны все выступили.

– *А вспомните ту встречу, как встретились с Красной армией?*

Т.М.: А мы не видели их. Мы ж не знали, шо вжэ Овруч увзяли. Мы ж у лесах, не знаем, не пустыне. А потом нам объявили, шо такое и такое – дела. И сказали, шо уже, немцы, мы отогнали просто уже [в] конец Овруча. А тогда все партизаны ринулись с тыла, отсюда, и давай уже гнать их.

– *Спасибо Вам большое.*

¹ Мозырь – ныне административный центр Мозырьского района Гомельской области Беларуси.

² Лельчицы – ныне административный центр Лельчицкого района Гомельской области Беларуси.

³ Согласно справке № 10-05/1016 от 03.06.2005 из Национального архива Республики Беларусь (*далее* – НАРБ), выданной по запросу семьи интервьюируемой, Горбунцова Татьяна Михайловна, 1927 г.р., с 30 марта 1943 г. по 1 декабря 1943 г. числилась рядовой партизанкой Лельчицкой партизанской бригады Полесской области (Основание: НАРБ, ф. 3500, оп. 7, д. 455, л. 4–5; д. 498, л. 85).

Между тем, в паспорте у Татьяны Марковской указано, что она родилась в 1930 г. Родственники объясняют разницу тем, что после войны в ходе паспортизации чиновники оценивали возраст цыган «на глазок» или записывали дату рождения со слов самих цыган, которые зачастую не знали собственной даты рождения.

При всем этом высокая убедительность рассказа Т. Марковской не оставляет сомнений в том, что она действительно находилась в указанное в справке время (а вероятнее, еще дольше – с конца 1942 г.) в Лельчицкой партизанской бригаде.

⁴ Сарны – административный центр Сарненского района Ривненской области Украины. Возможно, в промежутке между сентябрем 1939 г. и июнем 1941 г. табор, в котором жила семья Горбунцовых, откочевал с территории «советского» Полесья на только что присоединенные к УССР земли Западной Украины, где крестьяне еще не были объединены в колхозы, и поэтому жили материально лучше, нежели в Советской Украине, а следовательно, могли быть более привлекательны для цыган в качестве партнеров для торговцев и клиентов для конюхов, кузнецов и других ремесленников.

⁵ Возможно, имеется в виду, что местные полицейские сумели, в отличие от немцев, выявить связь партизанских отрядов с цыганским табором.

⁶ Возможно, имеются в виду братья и сестры Т. Марковской (Горбунцовой).

⁷ Возможно, имеется в виду сексуальное насилие оккупантов над женщинами-цыганками.

⁸ Возможно, имеется в виду, что могила была сделана после того, как эта территория в 1944 г. оказалась в тылу Красной армии.

⁹ Возможно, речь идет об имуществе цыган, полученном пособниками оккупантов и обычными мародерами после проведения расстрелов. Возможно, информанты имеют в виду, что цыгане в 1944 г. решили не возвращать себе свое имущество, потерянное в 1941–1942 гг.

¹⁰ Имеются в виду компенсационные выплаты ФРГ жертвам геноцида цыган, осуществленные после 1991 г.

¹¹ Судя по рассказу, три брата бежали в тот момент, когда немцы и местная полиция пришли в табор забирать цыган, сама Т. Марковская бежала, когда цыган конвоировали в кошару, а ее родителей и сестер немцы расстреляли через несколько дней.

¹² Героя Советского Союза Сидора Ковпака с его молчаливого согласия называли Колпаком не только рядовые партизаны, но и командиры других соединений, а также мирные жители. Такое написание фамилии Ковпака – «Колпак» – встречается и в документации германских карательных учреждений, вплоть до приказов, подписанных Г. Гиммлером.

¹³ Иван Андреевич Колос, род. 5 июня 1923 г. в с. Каргыничи Лельчицкого района (в настоящее время – Гомельская область Беларуси, в те годы – Полесская область БССР) в семье крестьянина. Белорус. Окончил среднюю школу и педагогический техникум. До войны работал учителем и журналистом. В 1941 г. призван в Красную армию, направлен в авиационное училище, но вскоре, благодаря знанию польского и украинского языков, переведен в армейскую разведшколу. В начале 1942 г. Иван Колос был заброшен на территорию Полесья в должности командира разведгруппы, которая за полтора года под его командованием выросла в четыре партизанских отряда, объединенных в Лельчицкую партизанскую бригаду (около 700 бойцов). Бригада находилась в оперативном подчинении разведорганов Красной армии, но с 1943 г. формально входила в состав Южно-Припятской партизанской зоны (ЮППЗ), подчиненной БШПД, которой на тот момент руководил Николай Дьяченко. В мае 1943 г. приказом БШПД было также создано соединение партизанских отрядов Полесской области под руководством подпольного Полесского обкома КП(б)Б (секретарь Иван Ветров), которое осенью 1943 г. вступило в контакт с Н. Дьяченко и И. Колосом. Следствием этого стал конфликт между обкомом и партизанскими командирами ЮППЗ, в том числе с Колосом, так как обком не одобрял «кадровую политику» Колоса, в частности, назначения командного состава отрядов Лельчицкой бригады. На рубеже 1943/44 гг. бригада соединилась с наступающими частями Красной армии.

По крайней мере, часть архива Лельчицкой бригады находится в НАРБ, фонд 4150 (11 дел). Возможно, значительно более обширная документация о деятельности бригады содержится в ныне закрытом ведомственном архиве ГРУ (Москва), а также в засекреченных фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (Подольск).

¹⁴ Вероятно, здесь Татьяна Горбунцова пересказывает историю первой встречи отряда Колоса–Линя с соединением А. Сабурова в конце 1942 г. Сам Герой Советского Союза в своих мемуарах обратил внимание на низкую боевую и диверсионную активность лельчицких партизан:

«Первым вошел высокий пожилой человек, обросший бородой.

– Мы партизаны Лельчицкого района. Моя фамилия Линь. – Широко улыбаясь, он крепко пожимает нам руки.

Товарищ Линя – молодой парень был явно сконфужен.

– Вы из какого отряда? – здороваясь, спрашиваю Линя.

– Да как вам сказать: весь наш отряд здесь...

– И с кем же вы воюете, хлопцы? – съехидничал [начальник штаба сабуровского соединения] Рева.

– Несколько карателей ухлопали. У нас ведь вооружения всего две винтовки и по три обоймы патронов на брата. Удалось, правда, пару мостиков разрушить и кое-где сделать завалы...

– Нечего сказать, “боевая деятельность”! – не сдерживается Рева.

- Кто из местных жителей знает вас как партизан? – обращаюсь я к Линю.
- Меня весь район знает, – не без гордости отвечает он. – Я член партии с двадцатого года.
- Что же не организовали отряд? – вмешивается [комиссар сабуровского соединения] Богатырь.
- Людей у меня подобрано не на один отряд. Только оружия нет. Вот мы и пришли к вам за помощью. Нам бы хоть пару десятков винтовок, патрончиков, ну, и один пулемет, конечно. [...]
- [Новосозданный] райком партии пусть тоже вынесет решение относительно партизанского отряда, – добавляю я. – Вооружение отряда мы берем на себя. А хорошего командира найдете?
- Найдем, – немного подумав, отвечает Линь. – Да что далеко искать. Вот хотя бы наш Ваня Колос: смелый разумный хлопец.
- Проходи сюда! Садись, командир, – приглашаю я к столу Ваню Колоса. Линь подбадривает паренька, и они усаживаются рядом с нами. [...]
- Вы Буйновичи знаете? – спрашиваю я.
- Как не знать, – усмехается Линь. – За двадцать лет работы в своем районе я почти все деревни пешком исходил.
- А Дубницкие хутора?
- Что за вопрос! Конечно, знаю!
- Тогда к вам просьба. Пройдите с нашим начальником штаба, – показываю я на Бородачева, – и помогите ему набросать схему деревни Буйновичи и расположение гарнизона противника.
- Это можно. Командир того гарнизона, кстати, стоит на квартире у моего друга Антона. А дружок вчера у меня был и передал кое-какие сведения» (*Сабуров А.Н. У друзей одни дороги.* – М., 1975. – С. 82–84).
- Характерен описанный принцип, по которому обычно строилось взаимодействие между отрядами штабов партизанского движения, ориентированными в первую очередь на диверсии и боевую деятельность, и группами ГРУ, приоритетом которых была агентурная разведка. Первые предоставляли коллегам оружие и боеприпасы, получая взамен развединформацию.
- Необходимо добавить, что отряд Колоса–Линя никогда не входил в оперативное подчинение А. Сабурову.
- ¹⁵ Явная непреднамеренная ошибка Т. Марковской. Соединение Сабурова пришло в район Припяти только в конце 1942 г. Вероятнее всего, Т. Марковская изначально бежала в местный партизанский отряд, на тот момент либо уже находившийся в подчинении И. Колоса, либо позднее влившийся в созданную им Лельчицкую бригаду.
- ¹⁶ Соединение Героя Советского Союза А. Федорова непродолжительное время находилось на территории долины р. Припять весной 1943 г. в ходе рейда с Левобережья Днепра в Волынскую область.
- ¹⁷ Возможно, речь идет о встрече соединений А. Ковпака, А. Федорова, А. Сабурова, М. Наумова на Полесье 7 апреля 1943 г.
- ¹⁸ Ср. докладную записку Дважды Героя Советского Союза А. Федорова Н. Хрущеву о партизанской бригаде ГРУ «Хозяйство» под командованием Героя Советского Союза А. Бринского, 21 января 1944 г.: «Бесцельный расстрел мирных граждан, разврат в бытовой жизни. И, как результат, на почве разврата командного состава отрядов указанного соединения, заболевание всякого рода венерическими заболеваниями – являются обыденными и массовыми» (Центральный державний архів громадських об'єднань України (*далее* – ЦДАГОУ), ф. 1, оп. 22, спр. 66, арк. 47).

- ¹⁹ В отряде вместе с Татьяной Горбунцовой на тот момент служили трое ее братьев, которые могли защитить девушку от посягательств других партизан.
- ²⁰ Утверждения о цыганском происхождении С. Ковпака встречались в немецких, власовских и бандеровских пропагандистских материалах. Например, в интервью власовской газете «Доброволец» плененного адъютанта начальника УШПД Тимофея Строчака – капитана Александра Русанова – утверждается о том, что цыган Ковпак торговал до Первой мировой войны лошадьми (См.: *Білас І. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У 2-х кн., кн. 2. Док. і матеріали.* – К., 1994. – С. 413). Нередко такое мнение высказывали и партизаны. Ср. отрывок из дневника Героя Советского Союза, командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Георгия Балицкого: «Сам Колпак редкозубый, хитрый и шутик, похож на цыгана. Колпак – подлинный герой, народный рыцарь» (ЦДАГОУ, ф. 64, оп. 1, спр. 59, арк. 44. (Зап. 07.04.1943)).
- ²¹ Коростень – административный центр Коростеньского района Житомирской области Украины.
- ²² После войны Ковпак долгое время возглавлял комиссию по делам бывших партизан и подпольщиков при Верховном Совете УССР.
- ²³ Ср. свидетельство писателя Николая Шеремета, несколько месяцев проведенного в украинских партизанских формированиях: «Полицейских, старост, бургомистров, которые сопротивляются, партизаны перед тем, как расстрелять, хорошо «проучат». [...] Я был свидетелем, как полицаев били до крови, резали ножами, поджигали на голове волосы, привязывали за ноги и на аркане конем волочили по лесу, обваривали горячим чаем, резали половые органы...» (Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 61, арк. 15)).
- ²⁴ Вероятно, курень в данном случае означает землянку.
- ²⁵ Очевидно, местные жители из сожженного немцами села прятались в землянках, вырытых в лесах и болотах.
- ²⁶ Характерен случай гибели бойцов во время хозяйственной операции по поиску самогона. Даже среди советских партизан отряды ГРУ и НКГБ СССР с разведывательными и террористическими задачами отличались наиболее высоким уровнем дисциплинарных нарушений. См., напр., датированное 20 июня 1943 г. сообщение начальника Ровенского штаба партизанского движения В. Бегмы в УШПД об отрядах армейской разведки А. Бринского («Хозяйство»), С. Каплуна, и группе НКГБ СССР Д. Медведева («Победители»): «...Все находящиеся в этих спецгруппах люди охраняют штабы, занимают заготовкой питания, а боевых операций за год с лишним не сделали ни одной. В этих отрядах отсутствует институт комиссаров, нет ни комсомольских, ни партийных организаций. В результате такого бездействия и отсутствия контроля и воспитательной работы среди личного состава люди разлагаются, [имеется] масса случаев самовольных расстрелов ни в чем не повинного населения, [наблюдаются] массовые пьянки, хулиганство и т. д.» (*Білас І. Зазн. праця.* – С. 365–366).
- ²⁷ Речь идет о проводившихся в 1943–1944 гг. и позднее самовольных расправах бывших партизан над бывшими полицейскими, старостами и их родственниками. Самосуды на занятых Красной армией территориях БССР проходили в массовом порядке, в несколько меньших масштабах – в РСФСР и УССР. См., напр., сообщение № 0261 и.о. прокурора УССР Р. Руденко для Н. Хрущева от 28 января 1944 г.: «...Сообщаю Вам о некоторых новых фактах, имевших место в Черниговской и Сумской областях, самочинных

расправ со стороны б[ывших] партизан с лицами, изблiченными и заподозренными в изменнической деятельности во время немецкой оккупации.

Так, б[ывший] партизан – нач[альник] управления НКЮ по Черниговской области Кущенко, находясь в ноябре 1943 г. в с. Табаевке Черниговского р-на, присутствовал при задержании старосты этого села Пинчук. Во время беседы уполномоч[енного] отделения контрразведки т. Вюнник с Пинчуком, Кущенко вынул револьвер и застрелил Пинчука.

11.12.1943 г. председатель Безугловского с/с Роговенко И.П. вызвал в с/с гр. Безбородого, который во время оккупации Щорского р-на немецкими захватчиками служил две недели в полиции, арестовал его, а затем дал распоряжение бойцам группы содействия милиции Кухаренко, Ильенко и Мороз, отвести его за село и расстрелять, что последние и выполнили. Зам. председателя исполкома Борозенского районного Совета депутатов трудящихся Мелашенко, будучи уполномоч[енным] райкома по закупке хлеба государству в Трестянском с/совете, 22.12.43 г. вызвал в с/с гр. Яковец И.Р. и предложил последнему продать государству три центнера хлеба. Яковец заявил, что он уже продал государству один центнер, а больше излишков не имеет. После отказа Яковца продать три центнера хлеба, Мелашенко выстрелом из пистолета убил Яковца.

2.11.43 г. в с. Белогелица Путивльского р-на Сумской области партизан Литвинов Н.П. с целью мести за выдачу его семьи немецким властям б[ывшим] старшиной волости Гришаковым, договорился с Ефимовым М.Д., брат которого был расстрелян немцами, и придя на квартиру Гришакова, убили его и его жену Гришакову Н.Д., а затем пошли на квартиру к сестре Гришакова – Тивиковой Н.З. и бросили в окно ее дома гранату. Тивикова успела выбежать из дому, но Литвинов и Ефимов догнали ее и стали избивать прикладами винтовки, разбив ей голову, а затем осиновым колом пробили ей челюсть, вонзив кол через щеки в землю.

3.12.43 г. в с. Викторов Шалыгинского р-на из госпиталя возвратился партизан Отечественной войны, награжденный медалью «За боевые заслуги» – Федосенко И.Ф., и вместе с другим партизаном Базиль И.А. и пред. колхоза Артеменко в три часа ночи явились в дом гр. Цуй К.К., вывели на огород ее, а также сына 1927 г. рождения, и расстреляли их. Мотивом убийства явилось то, что некоторые члены семьи Цуй служили в немецкой полиции и жандармерии, и были причастны к расправе с семьей Федосенко в период немецкой оккупации.

По всем приведенным фактам мною даны указания о привлечении лиц, виновных в самочинных расправах, к уголовной ответственности» (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 918, арк. 5–6).

²⁸ В НАРБ (ф. 1450, оп. 1, д. 160) находятся следственные дела на отдельных партизан и целые отряды Полесской области БССР. В частности, там находится следственное дело по Житковичскому партизанскому отряду Лельницкой бригады, созданному Колосом в июле 1943 г. из бывших полицейских этого района. Возможно, однако, что Т. Марковская служила в другом отряде Лельницкой бригады.

²⁹ Речь, очевидно, идет о Южно-Припятской партизанской зоне. Большая часть территории Полесья уже с лета 1943 г. находилась под контролем красных партизан – как УШПД, так и БШПД и иных организаций, проводивших партизанскую борьбу в тылу Вермахта.

³⁰ Противоречие со сведениями, сообщенными Т. Марковской ранее (см. выше текст интервью). Первоначально речь шла об осознанной помощи цыган партизанам. Более правдоподобной представляется все же картина, в которой цыганский табор, более-менее лояльный к оккупационным властям, помимо своей воли оказывался «между двух огней» – полицией и партизанами.

³¹ Вероятно, описываются действия полицейской агентуры и разведчиков, под видом грибников разыскивавших партизан и диверсантов.

³² О том, что чехи и словаки в ходе антипартизанских операций проявляли сдержанность, а также в массовом порядке переходили на сторону советских партизан и Красной армии, сохранилось множество аутентичных свидетельств самого разного уровня.

³³ Для подобных выводов присутствовал ряд объективных предпосылок. Так, 19 ноября 1942 г. в «Докладе о сведениях, полученных при выполнении задания, по сопровождению вооружения украинским партизанским отрядам» сотрудник УШПД Е. Белецкий сообщал Т. Строчаку: «Помимо “полицаяв” и русско-немецких батальонов противник для борьбы с партизанами держит еще мадыарские части. Мадыары по зверству превосходят даже немцев, но трусливы и особенно боятся партизан» (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 69, оп. 1, д. 1027, л. 82).

Командир Черниговского соединения А. Федоров доносил в УШПД в конце 1942 г.: «Участие в зверствах и грабежах воинских частей вассальных государств (румын, венгров, финнов, итальянцев и др.). Из них больше всего издеваются над мирным населением наряду с немцами, венгры, финны» (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 10, арк. 176). Кристиан Унгвари полагает, что исключительная brutality солдат венгерских охранных частей была вызвана их плохим вооружением и несоответствием наличествовавших сил поставленным задачам (*Ungvari, K. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine 1941–1942 // Ungarn-Jahrbuch. Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. – Bd. 26. Jahrgang 2002/2003. – München, 2004. – Passim*).

³⁴ Версия о том, что Колос отправили на Большую землю по состоянию здоровья, выглядит спорной. И. Колос осенью 1943 г. был вызван в Москву, возглавил группу РУ ГШ КА, которая была выброшена на территорию Полесья, где действовала на базе (в составе), находившейся под командованием А. Мищенко Ельской бригады Южно-Припятской партизанской зоны. Позже его группа оперировала на базе партизанской бригады «Звезда» (Пинская область). С заданиями различной характера в дальнейшем И. Колос также забрасывался в ближний и глубокий тыл Вермахта, в том числе в Барановичскую область БССР весной-летом 1944 г., в Варшаву в сентябре 1944 г., а также в Берлин в 1945 г. В 1953–1987 гг. И. Колос служил в ГРУ, параллельно занимаясь литературной деятельностью. За заслуги времен войны полковник в отставке Иван Колос получил звание Героя России в 1994 году, а за литературные таланты – орден Франциска Скорины (Белоруссия) – в 2003 г. Умер 12 августа 2007 г.

Любопытно, что и после того, как Колос оставил командование Лельчицкой бригадой, он встречался с цыганами. Описываемый им эпизод произошел около Лунина (ныне – центр Лунинецкого района Брестской области Беларуси) в конце 1943 г.: «В лесу было еще темно, но я понял из обрывков разговора, что часовые кого-то ведут...

– Товарищ капитан, ведем каких-то людей. Говорят – цыгане...

...Мы разглядели задержанных. Старшему было лет около шестидесяти, обросший, черный. С ним мужчина помоложе, четыре девушки и пять старых цыганок.... Вскоре к нам привели еще шесть человек – трех мужчин и трех женщин...

Больше всех говорил старый цыган, который назвался Абауровым. ...Сообщил, что все они убежали из Кракова. Было их пятнадцать человек – одна семья. Пятеро потерялись в пути:

– Когда гитлеровцы оккупировали Польшу, многие цыгане старались не вникать в их дела, – рассказывал старик. – «Мы должны плясать, петь, веселить народ», – так говорили они. Я думал иначе и с первых же дней оккупации связался с подпольщиками. Вскоре фашисты стали преследовать нас. поголовно расстреливали цыган и евреев... Кровью сердце обливалось, когда приходилось выступать перед фашистами и их прихлебателями!...

Выступая перед немцами, я собирал нужные сведения, сообщал их подпольщикам. Эсэсовцы что-то заподозрили, арестовали меня, моих дочерей и других цыган из нашего хора. Мы ждали: вот-вот расстреляют. Как-то вечером приходит в тюрьму офицер в сопровождении четырех эсэсовцев, кричит: «Поднимайтесь! Следуйте за нами». Нас погрузили в грузовики и подвезли к какому-то особняку. В просторном зале, у окна, в большом кресле сидел полковник, как мы потом узнали, по фамилии Штрубе, около него стояли пять офицеров. Они пили коньяк и вино... Мы пели, плясали... Откажешься – расстрел! После нашего выступления полковник Штрубе вызвал по телефону начальника тюрьмы и приказал отвезти нас обратно... Мы подняли руки и только хотели двинуться с места, произошло чудо: пришедшие «эсэсовцы» арестовали самого гитлеровского полковника Штрубе и его офицеров. Оказалось, что это участники Краковского подполья. Вот тогда-то, под покровом ночи, мы и ушли в лес... На четвертый день к нам в лес подпольщики привели наших детей, – продолжал Абауров. – Когда мы все собрались, решили двигаться на восток, в Советский Союз, где, как нам сообщили подпольщики, организовано большое партизанское движение...

Старый цыган сообщил нам некоторые сведения о скоплении немецких войск в районе Давид-Городка...» (*Колос И.А.* За час до рассвета. – М., 1979 (глава «Цыгане»)).

³⁵ Вероятно, имеется в виду Черниговско-Вольнское соединение А. Федорова. Ср. с докладной запиской писателя Н. Шеремета Хрущеву 13 мая 1943 г.: «Слабое донимающее место в Федоровском соединении – это женщины. Их, во-первых, много, во-вторых, делятся они на две категории: кухарки и любовницы. Боевых девчат у Федорова мало и командование даже возражает, чтобы их использовали на боевой работе... В соединении Федорова не заботятся о культуре быта, о чистоте взаимоотношений женщины и мужчины. Нельзя [отрицать] тот факт, что много престарелых командиров, родители взрослых детей, взяли себе в жены молодых, легкомысленных девчат. Это снижает авторитет руководства и дает плохой пример рядовым партизанам» (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 61, арк. 15).

³⁶ Далее в тексте интервью упоминается, что Татарчук был командиром не всей Лельчицкой бригады, а одного из ее отрядов.

³⁷ Возможно, речь идет о совещании командиров соединений УШПД с представителями ЦК КП(б)У и сотрудниками УШПД в конце мая – начале июня 1943 г.

³⁸ Сидор Ковпак в итоговом оперативном отчете в начале 1944 г. писал, что на рубеже 1942–1943 гг. на правобережном Полесье Сумское соединение встретилось «с белорусскими партизанами соединений т.т. “Комарова“, “Бати“ и другими... Когда они рассказывали о своей работе, что они сотни эшелонов пустили под откос, мною был задан вопрос: “Сколько вы ложите тола в заряд, чтобы подорвать эшелон?” Они ответили: “4 килограмма”. Ответ наш им был таков: “Разрешите вам не верить, что столько эшелонов вами пущено под откос. Факты: мы много сотен километров прошли, в том числе и территорию вашей деятельности, и нигде не обнаружили ни одного эшелона, даже не встретили ни одного колеса, что бы говорило о фактах вашей диверсионной работы“. Мы категорически опровергли, что 4 кг могут вывести из строя эшелон, т. к. это немисливо в зимнее время... Чтобы не втирать очки руководящим органам, посоветовали им ложить в заряд не 4 килограмма, а 8 килограммов...» (ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 1, спр. 1, арк. 47–48).

³⁹ Высокий авторитет Ковпака отмечали даже представители немецких разведывательных органов: «Партизаны называют его “Колпаком“, “Дедом“, “Отцом“ и др. кличками. Общеизвестный среди командиров и рядовых специалистов по хождению в дальний путь... Люди его выносливы и приспособлены к маршам... В Москве его считают “отцом партизанского движения на Украине“. Возраст Ковпака – преклонный, имеет лет 60. Жизнь свою поэтому он не дорожит. Сам бывает в боях и вызывает подражателей

из молодежи» (Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 1, спр. 52, арк. 21)).

⁴⁰ Ср. характеристику Ковпака, данную в докладной записке начальником радиоузла Сумского соединения Г. Бабий начальнику УШПД Т. Строкачу (не позднее 22 марта 1943 г.): «Ковпак всегда обзывает всех дураками и ругает и, по-моему, думает, что только и только он на что-нибудь способен, а больше никто ничего не понимает. Его очень трудно понять и трудно с ним о чем-либо поговорить, ничего не хочет понимать и если настаит на чем-либо прав, или неправ – будет ругаться и спорить до истерики» (ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 1, спр. 40, арк. 119).

⁴¹ Овруч – административный центр Овручского района Житомирской области. Взят войсками 1-го Украинского фронта 18 ноября 1943 г. в ходе Киевской стратегической наступательной операции.

*Публикацию подготовили
Александр Гогун, Маша Церович.*

*Работа осуществлена при поддержке фонда Герды Хенкель
(Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf).*